МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АМИНА ВОЛКОВА

Развод с предателем.

Ты оставил нас замерзать, но командир гарнизона выбрал меня!

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты оставил нас замерзать, но командир гарнизона выбрал меня!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Ты оставил нас замерзать, но командир гарнизона выбрал меня! / М. Ветрова — «Автор», 2026

В минус сорок муж бросил меня и маленькую дочь на пустой станции. Забрал вещи и уехал к любовнице, оставив нас замерзать.Я думала, что эта ночь станет последней.Но суровый командир гарнизона Александр Волков предложил спасение — и договор, по которому я должна отработать помощь.Муж уверен, что без него я никто. Только он забыл, кто создавал чертежи, на которых построена его карьера.Теперь я верну своё имя, докажу, кто настоящий автор проектов, и построю жизнь заново.А Александр, привыкший командовать, впервые столкнётся с женщиной, которая не продаёт своё сердце за защиту.И моя дочь больше никогда не будет беспомощной.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Ветрова, Амина Волкова Развод с предателем. Ты оставил нас замерзать, но командир гарнизона выбрал меня!

Глава 1

Минус сорок. Я прячу нос в шарф, но ветер достает и там; стоит моргнуть — смерзшиеся ресницы тянут веки. На платформе станции Ковдор-Северный светятся окна вагонов. До них несколько шагов. За спиной, за последним фонарем, уже не различить ни дороги, ни деревьев.

Игорь стоит напротив меня. Его лицо скрыто за воротником дорогого пуховика. Я ищу его взгляд, а он смотрит поверх моего плеча, проверяя, где Лариса. Только что он сказал это в первый раз. Теперь повторяет, чтобы я наконец поняла.

— Ты мне не нужна, Ева. Лара ждет. Поезд через три минуты.

Он поглядывает на часы. Семь лет я ждала его с работы, переносила ужин, когда он задерживался. Теперь он отсчитывает минуты, которые тратит на меня. За его спиной маячит силуэт женщины в меховой шапке — Ларисы. Она даже не смотрит на нас. Она листает телефон, ожидая своего принца.

Я делаю шаг к вагону, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Игорь, давай без истерик. Давай просто... разберемся дома. Маша замерзла. Пожалуйста, отойди.

Голос срывается на шепот. Мне стыдно. Стыдно перед пассажирами, которые лениво тянут сумки к перрону. Стыдно перед собой за то, что все еще прошу.

Игорь блокирует мне путь. Широко расставив ноги, он загораживает собой дверной проем.

— Дом? У нас нет дома, Ева. Есть должность в штабе. И есть ты — балласт, который не вписался в бюджет. Оставь вещи. Они лишние.

— Это мои вещи! И Машины! — повышаю голос я, чувствуя, как кровь приливает к щекам, обжигая морозом.

— Кричи громче, — усмехается он, не понижая голоса. — Пусть весь гарнизон знает, какая ты неблагодарная сука. Я заплатил за твой билет туда, но не обратно. Твой выбор был ошибкой, теперь исправляй её молча.

Пассажиры замедляют шаг. Кто-то достает телефон. Женщина с дорожной сумкой останавливается рядом; я уже поворачиваюсь к ней, но она только вытягивает шею, чтобы лучше нас разглядеть. Хочется закрыть лицо. Вместо этого я снова смотрю на Игоря.

— Папа, холодно, — зовет Маша у меня за спиной. Я сразу забываю о телефонах.

Маша цепляется за мою куртку. Ее пальцы белые, синие кончики ногтей впиваются в ткань. Она вся дрожит, мелкой, нервной дрожью, которая передается мне через ее худые плечи. Я оборачиваюсь и притягиваю дочь к себе. Она втягивает голову в плечи и прижимается щекой к моей куртке. Ткань мгновенно намокает от ее дыхания.

— Мы уходим, солнышко, — говорю я ей, глядя Игорю прямо в глаза. — Мы найдем такси. Или гостиницу. Но мы не останемся здесь.

Игорь делает резкое движение. Он хватает ручку нашего единственного чемодана — того, куда я успела бросать документы и детскую одежду, пока он собирал свои гаджеты.

— Я сказал: оставь!

Он дергает на себя. Я держу, упираюсь каблуком в лед, не давая ему оттащить меня от Маши. Чемодан скрипит на льду платформы.

— Отдай, Ева. Ты будешь жалеть, если потратишь мое время.

— Это работа, которую я делала годами! Там чертежи! — кричу я, чувствуя, как ногти цепляются за ткань его рукава.

— Бумага, — презрительно цедит он.

Он дергает еще раз и вырывает чемодан из моих рук. Звук удара пластика о заледеневший бетон оглушает. Чемодан подскакивает и падает в сугроб у края платформы. Черные крышки расходятся, выплевывая наружу стопку папок, блокнотов, свитеров Маши. Все это тут же начинает тонуть в серой снежной каше.

Пальцы так и остались согнутыми, словно я все еще держу ручку. Рядом кто-то говорит: «Вот это да», — и почему-то именно эти слова я слышу отчетливо.

Разгибаю пальцы, смотрю на красную полосу поперек ладони. Потом на него. Он уже отворачивается, направляясь к ожидающему его внедорожнику с затемненными стеклами. Лариса наконец поднимает голову, брезгливо морщась, как будто увидела грязную собаку.

Вокруг начинают снимать. Телефонные камеры направлены на меня, на растерзанные вещи, на плачущего ребенка. Я хочу кричать, требовать помощи, указать на этих людей пальцем. Но я замираю. Среди толпы зевак нет ни одного знакомого лица. Ни коллег, ни друзей, ни тех, кто клялся быть рядом в трудную минуту. Их всех забрал Игорь вместе с деньгами и статусом. Я открываю рот, чтобы позвать хоть кого-нибудь по имени. Некого. Здесь меня знают только как жену Игоря; он уже идет к машине.

— Поезд уходит! — орет динамик над головой.

Игорь садится в машину. Дверь захлопывается. Стекло тонировано, я не вижу его лица. В темном стекле мелькает мой силуэт: согнутая спина, Маша у коленей.

Машина трогается. Снежная пыль из-под колес бьет мне по ногам.

Я хватаю телефон. Экран темный. Индикатор батареи мигнул красным ровно секунду назад. Черт, черт, черт!

— Стойте! — кричу я вслед удаляющимся фарам. Голос срывается в хрип. От крика больно в горле. Машина даже не притормаживает.

Двери последнего вагона поезда со скрежетом захлопываются. Поезд дергается, набирая ход. Колеса скрежещут, и Маша зажимает уши. Через минуту от него останется только гул, растворяющийся в вое ветра.

Поднимаю Машу на руки. Наши вещи лежат в снегу. Присев с дочерью на коленях, сгребаю в сумку вывалившуюся папку и её свитер. Чемодан остаётся раскрытым у края платформы: тащить его вместе с Машей я уже не могу. Без денег, без связи, с этой сумкой на плече я иду искать тепло.

Станция Ковдор-Северный закрыта на реконструкцию. Об этом я узнала вчера, когда проверяла билеты. Но тогда я думала, что Игорь будет рядом. Что он решит вопрос.

Теперь я тащу Машу к зданию вокзала. Дверь стеклянная, с табличкой «РЕМОНТ». Внутри темно.

Я стучу кулаком в стекло. Потом ладонями.

— Помогите! Ребенок замерзает!

Из тени ближайшего столба выходит человек. Смотритель. Старый мужик в ватнике, с лицом, покрытым глубокими морщинами, как кора березы. Он смотрит на мои ладони на стекле, потом на табличку. К Маше даже не наклоняется.

— Закрыто, гражданка, — гнусавит он. — Отопление отключено. Ремонт.

— Но там должно быть тепло! Там подсобка! — я прижимаю к груди Машу. Она уже не плачет. Она скулит, тихо, монотонно, и ее тело становится деревянным. — Пожалуйста. Хотя бы на пять минут. Пока не станет хуже.

Смотритель качает головой.

— Инструкция есть инструкция. Прошу покинуть территорию. Иначе вызову наряд.

— Какой наряд?! Здесь никого нет! Вы убьете нас!

— Ваши проблемы, — он разворачивается и идет к служебному входу. Я слышу лязг засова. Щелчок. Он запирает дверь на ключ.

Мы остались снаружи. Ветер усиливается. Он находит каждую щель в одежде, пробирается под куртку, леденит кожу. Маша прижимается ко мне, ее щека горячая и влажная от слез, но губы уже посинели.

Я начинаю терять контроль. Голова кружится. Перед глазами плывут пятна. Переступаю с ноги на ногу, пытаясь выбрать направление, и снова поворачиваюсь к запертой двери. Пытаюсь вспомнить, где ближайшая деревня. Где дорога. Но в голове только белый шум и образ Игоря, бросающего чемодан.

Мои пальцы, держащие дочь, немеют. Я не чувствую их. Я не чувствую ничего, кроме ледяного огня, который разъедает суставы.

«Я ландшафтный дизайнер», — мелькает абсурдная мысль. Я умею отвести воду от дорожки, укрыть площадку от ветра. Но сейчас не могу даже найти для Маши угол, где не дует.

Передо мной не участок на плане. Я слышу, как Маша скребет зубами друг о друга, и не знаю, сколько еще она выдержит.

До следующей машины мы успеем спрятаться в бывшем общежитии. Я сожгу там свои бумаги, а потом снова выйду в снег с Машей на руках. Но, вспоминая эту ночь, я всякий раз перескакиваю к свету у ворот базы: вот бы сразу оказаться там, минуя этот час.

Свет фар выхватывает из темноты фигуры. На миг мне кажется, что Игорь вернулся. Но это другая машина. Тяжелая, армейская, с защитной сеткой на решетке радиатора.

Машина останавливается в пяти метрах от нас. Двигатель глохнет. После его гула слишком хорошо слышно, как часто я дышу.

Я отворачиваюсь от фар. Отойти бы в темноту, но там снова не будет никого, кто может нам помочь. Из машины выходят двое. Один остается на месте, второй подходит ближе.

Это мужчина. Высокий, широкий в плечах. На нем камуфляжный бушлат, шапка-ушанка, сдвинутая набекрень. Лицо частично скрыто шарфом, но видны глаза. Серые, жесткие, оценивающие. От брови к скуле тянется белесый шрам.

Он останавливается в паре метров, у самого ограждения. Смотрит на меня сверху вниз. Я инстинктивно заслоняю собой Машу, хотя делать это уже поздно — она прижалась ко мне мертвой хваткой.

— Вы не можете находиться здесь, — говорит он негромко. Я все равно слышу каждое слово: он стоит достаточно близко и ждет, что я подчинюсь.

— Нам нужно внутрь, — хриплю я. Губы не слушаются. — Ребенку плохо.

Мужчина переводит взгляд на Машу. Видит синий цвет кожи, неподвижность. Он задерживает взгляд на ее губах, затем на свесившейся руке. Я поднимаю Машу выше, чтобы он видел ее лицо.

Он делает шаг вперед. Я напрягаюсь, готовая к удару, к грубости.

Но он молча снимает свой тяжёлый бушлат. Под ним оказывается форменная рубашка и жилет. Бушлат пахнет порохом, табаком и морозом. Он набрасывает его на плечи Маши. Крупными руками продевает пуговицы в петли, торопливо, одну за другой.

Маша вздрагивает от неожиданности, но тут же зарывается в мягкую овчину, чувствуя живое тепло чужого тела.

Мужчина выпрямляется. Теперь он стоит передо мной, нависая тенью. Он смотрит мне прямо в глаза. Долго. Секунду, две, три. Я не могу отвести взгляд. Я готова ответить ему что угодно, лишь бы он перестал смотреть и отвез ее к врачу.

Я жду, что он потянется к дверце машины. Вместо этого он продолжает смотреть на меня, будто бушлат уже дал ему право задавать вопросы.

— Вы знаете правила этого гарнизона, женщина? — спрашивает он тихо.

— Я не знаю правил, когда мой муж выбрасывает меня в мороз, — отвечаю я. Слова вылетают сами, горькие и острые.

Уголок его рта чуть приподнимается. Почти улыбка. Опасная.

— Муж может быть трусом. А ты — нет. Пока.

Он достает из кармана сигарету, прикуривает. Пламя зажигалки подсвечивает его профиль — резкий, волевой.

— Твоя жизнь в этих условиях стоит очень дорого, — говорит он, выпуская дым в небо. — И цена растет с каждой минутой.

Глава 2

Он ещё не знает моего имени. У ворот мне придётся ответить за нас обеих. Но сперва — тот час в пустом общежитии, который я так хочу вычеркнуть из памяти.

До света у ворот и чужого бушлата оставалось ещё добраться. От вокзала я потащила Машу к тёмному зданию за платформой: стены хотя бы отсекали ветер. Дверь бывшего общежития поддалась, но батареи внутри были ледяными.

За стенами стих ветер, но согреться не получалось. Плотнее запахивала куртку; ткань на спине остыла, и каждый раз, прислоняясь к стене, я вздрагивала. Я звала Машу, осторожно похлопывая по плечу, но она лишь слабо шевелилась под моей курткой. Держать её становилось всё труднее: пальцы сводило, и я боялась разжать их.

— Машка, очнись! Не смей спать! — мой голос сорвался на визг, заглушаемый воем метели.

Её глаза были полузакрыты, ресницы склеены инеем. Губы посинели до черноты. Я потянулась к снегу на подоконнике разбитого окна бывшего общежития — и отдернула ладонь. Щеки у неё и без того были ледяными. Укутала её теснее, прикрыла своим шарфом рот и нос. «Греть, греть», — стучало в голове. Здесь нечем было греть.

Все чаще хотелось сесть и хотя бы минуту не держать Машу на весу. Закрыть глаза. Я уже присмотрела место у стены и испугалась, с какой готовностью собираюсь туда опуститься. Мысль о том, что я привела дочь сюда, в эту дыру, где нет ни света, ни связи, ни надежды, давила сильнее мороза. Надо было уехать ещё вчера. Надо было спрятать деньги, взять другую куртку — десятки бесполезных «надо» толклись в голове, пока я смотрела на Машу. А следом вспоминался Игорь: как, даже не поморщившись, он вышвырнул наш чемодан на перрон. Он наверняка уже снял пуховик. Сидит, вытянув ноги. От этой мысли я распрямилась: не дождется. Я прикусила губу так, что почувствовала вкус железа. Потерла губу рукавом и снова подняла Машу повыше. Нет. Мы не ляжем. Мы будем идти.

В коридоре послышался скрип. Ржавый, протяжный звук открываемой двери. Кто-то был снаружи. Шаги тяжелые, уверенные, шаркающие по битому стеклу. Сердце заколотилось где-то в горле. Уложила Машу на свою сумку у стены, укутала своим шарфом. Только тогда схватила ржавую трубу, лежавшую в углу, и встала между дверью и дочерью. Если это бандиты или мародеры, я убью их. Я буду драться зубами, если нужно.

Дверь распахнулась. В проеме стоял мужчина в грязном бушлате, с лицом, изрезанным ветром. Он заглянул мне за плечо, увидел Машу и остался в дверях. В руке у него болталась бутылка с мутным содержимым.

— Долг перед городом, мамашка, — хрипло сказал он, сплюнув на пол рядом с моей ногой. — Или платишь теплом, или выметайся в снег. Здесь место для тех, кто может дать сдачи. А ты... ты мусор.

Я посмотрела на плевок у своего ботинка. Крепче ухватила трубу, шагнула вперед, вскидывая ее, и ударила его в плечо. Он ойкнул, отшатнулся, но не упал.

— Пошел вон! — рявкнула я, и голос вышел звериным, низким и дрожащим от холода. — Уходи, пока я тебе кости не пересчитала!

Он фыркнул, оценивающе посмотрел на мою решимость и, махнув рукой, скрылся в темноте коридора. Я захлопнула дверь и задвинула засов. Руки дрожали так, что я едва справилась с железкой.

Вернувшись к Маше, я положила трубу вдоль стены и увидела то, чего боялась больше всего. Валенки на ногах дочери потемнели от влаги. У верхнего края виднелся мокрый носок; я потянула его, и Маша застонала. Резко стаскивать обувь я не решилась. Ей нужен был врач, а не мои догадки.

Я знала единственный способ. Тело против тела. Кожа против кожи.

Я расстегнула куртку, прижала Машу к себе и укрыла нас обеих сверху. Холодный воздух успел обдать шею, зубы клацнули. Ее ладони спрятала у себя под свитером. Хоть так передать ей немного тепла, пока мы не выберемся к людям. Я сидела так, свернувшись клубком, чувствуя, как ледяная боль пронизывает меня насквозь, а Маша тихо стонала во сне. Минуты тянулись вечностью.

Но тепло кончилось быстрее, чем восстановилось кровообращение. Меня начало трясти неконтролируемой дрожью. Зубы стучали, мышцы сводило судорогой. Сознание начало плыть, грани реальности размывались. Я чувствовала, как теряю контроль над собой. Нужно было что-то, что даст энергию. Что-то, что согреет хотя бы пальцы.

Рука нащупала в кармане куртки маленькую жестянку. Зажигалка. Игорь забыл её там в последний день перед поездкой. Она была легкая, дешевая, с остатками бензина внутри. Его вещь, зачем-то оставшаяся у меня.

Я достала из сумки папку с документами. Диплом ландшафтного дизайнера. Свидетельство о браке. Фотографии нашей старой квартиры, которую он продал ради должности в штабе. Бумага горела медленно, плохо, но огонь был. Я поднесла зажигалку к углу диплома. Угол завернулся, почернел. Я отодвинула огонь от Машиной куртки и поднесла к нему вторую руку. Диплом, который я столько лет боялась помять, теперь надо было удержать, пока он не прогорит. Я грела руки над слабым языком огня, наблюдая, как сгорает надпись «Ковалева». Теперь это просто топливо. Больше ничего не значит.

Огонь погас. Бумаги закончились. Я еще видела перед глазами желтое пятно пламени, а Машино лицо уже не могла разглядеть. Пришлось на ощупь искать ее шею. Маша перестала дышать ровно. Её грудь почти не поднималась. Пульс на шее был нитевидным, еле ощутимым. Держала пальцы у ее шеи и боялась переставить: вдруг больше не найду этот слабый толчок. Чтобы позвать ее, пришлось сначала набрать воздуха. Получился только выдох: «Маша».

И тогда я услышала это. Не вой ветра. Не скрип досок. Низкий, ритмичный гул. Как работающий генератор. Или двигатель.

Звук шел откуда-то снаружи. Из направления, противоположного выходу из общежития. Там был только лес и снег. И запретная зона.

Кто-то ехал. Значит, там есть люди. Я подхватила Машу; удержать ее удавалось, только прижав локти к животу. Выпрямиться уже не могла. Опираясь плечом о стену, я добралась до окна. Положила Машу на куртку под подоконником, прикрыла ей лицо. Дотянувшись до трубы у стены, выбила остатки стекла. Осколок чиркнул по ладони. Бросив трубу, подхватила дочь вместе с курткой и перевалилась через низкий подоконник.

Снег ударил в лицо. Я шла, спотыкаясь, оставляя за собой кровавый след на белом полотне. Гул нарастал. Свет фар пробивал темноту. Прожекторы. Яркие, слепящие лучи, вырезающие силуэты деревьев.

Я вышла на открытую равнину перед высоким забором из колючей проволоки. Периметр военной базы. Территория, куда гражданским вход запрещен под угрозой смерти.

Луч света ударил мне в глаза. Я зажмурилась, чувствуя, как тело Маши холодеет в моих руках. Передо мной выросла фигура в маске, с автоматом на груди. Дуло смотрело мне в лоб.

— Стоять! — приказ прогремел через усилитель голоса. — Назад!

Я не отступила. Я подняла голову, несмотря на боль в глазах, и посмотрела прямо в прорезь маски.

— У меня умирающий ребенок, — сказала я хрипло, и голос мой был твердым, как камень. — Вызовите врача. Сейчас. Или я умру здесь, у ваших ворот, и ваша база будет пахнуть трупом матери и дочки. Вам это надо?

Солдат колебался. Секунда. Две. Его палец на спусковом крючке чуть напрягся.

Из темноты за спиной солдата шагнула другая фигура. Высокая, в тяжёлом бушлате с поднятым воротником. Человек остановился в нескольких метрах. Он не смотрел на меня. Его взгляд был направлен вниз, на мокрые валенки Маши.

Медленно, методично, он осмотрел ее лицо и безвольно свесившуюся руку. Я следила за его лицом, пытаясь понять, видит ли он, насколько ей плохо. Потом он поднял глаза на меня.

Шрам пересекал его скулу, бледный и ровный. При свете прожектора его глаза казались совсем светлыми. Он еще ничего не сказал, и я готовилась спорить: назад нас не отправят.

Он сделал короткий жест рукой. Солдат опустил оружие. Это были люди у машины, которых я потом буду вспоминать первыми. Ещё несколько шагов — и на Машиных плечах оказался его бушлат, тёплая овчина у самого лица. Я вцепилась в воротник, боясь, что его заберут.

Командир подошел ближе. Запах табака и мороза ударил в нос.

После разговора о правилах гарнизона и цене спасения он посмотрел на меня пристальнее.

— Кто ты такая, чтобы диктовать условия на моей территории? — спросил он тихо, но каждое слово резало тишину.

Я сглотнула кровь, выступившую на губах от укуса.

— Я мать.

Он присел на корточки, оказываясь на уровне моих глаз. Теперь он смотрел мне в лицо, а солдат за его спиной ждал приказа. Я прижала Машу теснее. От этого человека зависело, откроют ли нам ворота.

— Врач будет здесь через пять минут, — произнес командир. — Но после этого ты останешься работать. Долг в снегу не прощается.

Солдат назвал его по фамилии: Волков. Я запомнила. И почему цена спасения звучала так, будто я подписывала контракт рабыни?

Глава 3

От ворот нас проводили к приёмному входу медпункта. Волков задержался у машины, а я поспешила вперёд: врача обещали через пять минут, и ждать их на морозе я не собиралась.

Воздух на периметре базы пах соляркой и горячим металлом. -42 градуса — это не цифра в прогнозе погоды. Это когда каждый вдох превращается в ледяную иглу, протыкающую легкие, а ресницы слипаются от собственной влаги, которая мгновенно замерзает. Маша уже не обнимала меня за шею. Приходилось придерживать ее голову плечом и все время поправлять съезжавший бушлат. Её лицо было белым, как снег под ногами, только с синеватыми прожилками на щеках. Пальчики на свесившейся руке побелели, и я снова спрятала их под бушлат.

— Стойте, гражданская, — голос дежурного по медпункту был сухим, как бумага. Он сидел за столиком в тамбуре и даже не поднял глаз от журнала. Дальше, за его спиной, была дверь в тепло. — У нас режимный объект. Без пропуска и предоплаты через кассу гарнизона прием не ведется. Справка об оплате за прошлый квартал? Есть? Нет? Тогда до свидания.

Я смотрела на его чистые, ухоженные руки. На часы с золотым браслетом. А потом перевела взгляд на Машу, которая тихо заскулила во сне, когда холод пробрался сквозь слой одежды.

— Она умирает, — сказала я. Голос дрожал, но слова вырывались четко.

— Умирают все, кто не соблюдает правила, — ответил врач, наконец-то глянув на нас. Он положил палец между страницами журнала, чтобы не потерять строку. Смотрел на меня, ожидая, когда я освобожу проход. — Идите в общежитие для персонала. Там теплее. Или звоните мужу. Если он здесь, пусть оформляет пропуск.

Муж. Игорь. Я представила, как он сейчас сидит в теплом кабинете штаба, попивая коньяк с Ларисой, и ему плевать, что его дочь не могут внести в открытую дверь медпункта.

Просить мужа? Я так крепко стиснула зубы, что заболели виски. Я развернулась, прижимая Машу крепче, чтобы она чувствовала моё тело как щит. Но ноги не понесли меня прочь. Взгляд упал на желтые ленты ограждения вокруг свежевыкопанной траншеи рядом с входом в медпункт. Грунт лежал горкой, смешанный с мазутом. Тротуарная плитка была уложена с браком: швы расходились, образуя карманы, где скапливалась вода. При такой температуре эта вода становилась льдом, создавая ловушку. Любая машина скорой помощи или эвакуатора слетит с трассы. Любой человек подвернет ногу.

Ошибки строителей тут не было. Это была инженерная безграмотность уровня «студент первого курса». Мой мозг ландшафтного дизайнера, заточенный на эстетику и функциональность, автоматически начал чертить схему дренажа. Как перенаправить стоки. Как использовать естественный уклон рельефа.

— Эй! Куда прешь?!

Сильная рука в кожаной перчатке схватила меня за плечо. Больно. Грубо. Я едва удержала Машу и прижала ее крепче. Охранник, огромный парень с лицом, испорченным акне и злобой, тащил меня назад, к воротам.

— Ты чего, дурная? Тебя сказали — иди отсюда!

Я повернулась к охраннику и уперлась ногой в край плитки. Он тащил меня, а я продолжала смотреть ему в лицо. Пусть видит, кого выталкивает: женщину с посиневшими губами, которая едва держит ребенка. Если он разожмет мне руки, Маша упадет. Я не отведу глаз первой.

Охранник запнулся. Его хватка ослабла на секунду.

И в эту секунду тень легла на снег между нами.

— Отпусти её, Григорьев.

Голос был низким, бархатным, но от него по спине пробежали мураши сильнее, чем от ветра. Охранник резко выпрямился, отдавая честь так быстро, что чуть не сломал руку.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, в форменной рубашке и жилете; от мороза он втянул голову в плечи. Шрам пересекал его левую бровь, делая лицо жестким, хищным. Волков. Тот, чей бушлат я сейчас придерживала на Машиных плечах и кто велел пропустить нас у ворот. Здесь его окликнули по имени: Александр. В свете над входом он выглядел иначе. Теперь я видела, как он сжал челюсть, глядя на охранника. Тот уже убрал руку с моего плеча.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на охранника, пока тот не побледнел и не отступил в тень будки. Потом Волков перевел взгляд на Машу. Его серые глаза сузились. Он заметил цвет кожи девочки, синеву губ, ледяные пальцы. Его взгляд задержался на Машиной руке. Я прижала ее к себе крепче.

— Почему ты стоишь здесь, а не в тепле? — спросил он. Коротко. Без эмоций.

— Медпункт закрыл двери, — ответила я. Горло саднило от холода. — Мне отказали в помощи.

— Я велел вызвать врача. Кто отменил?

Дежурный выглянул из тамбура и тут же отвёл глаза.

— Правила есть правила, — пробормотал он. — Для всех одинаково.

— Правила написаны людьми, которые никогда не мерзли насмерть, — парировала я. — И эти люди допускают ошибки. Например, ваша дренажная система.

Волков нахмурился.

— Что?

— Дренаж, — я указала подбородком на траншею. — Вы засыпали грунтом с мазутом, не сделав песчаную подушку. При оттаивании весной вся территория базы утонет в грязи. А зимой эти лужи превращаются в каток. У входа уже лед. Если сток не отвести, его будет только больше. За час я могу набросать схему исправления.

Волков посмотрел на траншею. Охранник в будке тоже вытянул шею. Я ждала нового приказа уйти: после всего, что я сказала, меня могли принять за сумасшедшую. Но Волков снова повернулся ко мне и впервые задал вопрос о работе.

— Ты дизайнер? — спросил он.

— Бывший. Сейчас — мать умирающего ребенка.

В этот момент Маша слабо дернулась в моих руках. Её тело стало тяжелее. Голова бессильно откинулась назад. Я почувствовала, как её маленькое сердцебиение сбилось, став неровным, частым, тревожным.

— Она опять теряет сознание, — прошептала я. Холод проникал под одежду, сковывая мышцы.

Волков сделал шаг ближе. Я напряглась, ожидая удара или приказа уйти. Но он лишь посмотрел на девочку, затем на закрытую дверь медпункта.

— Григорьев! — крикнул он в сторону будки. — Открой запасной выход.

Звуки замков были оглушительными. Дверь скрипнула, выпуская облачко пара.

— Заноси внутрь, — приказал Волков, кивая охраннику. Тот опешил, но выполнил команду, аккуратно принимая Машу из моих рук. Я проводила их до дверей палаты. Изнутри позвали ещё одного медика, и я дождалась, пока тот склонился над Машей. Только тогда остановилась перед врачом.

Глава 4

— Идем, — сказал Волков.

Я ждала хотя бы слов о Маше. Волков вместо ответа открыл дверь в кабинет командира части, который находился на первом этаже административного корпуса, напротив входа в медблок.

Внутри было жарко. Пахло табаком, кожей и старой бумагой. Кабинет был минималистичным: стол из массива дерева, карта региона на стене, никакого личного бара или портретов начальства. Только строгость.

— Садись, — указал он на стул напротив стола.

Я осталась стоять. Ноги не слушались, колени дрожали.

— Где моя дочь? — спросила я.

— Врач занят экстренным осмотром. Вне очереди. Это нарушение протокола, — Волков сел за стол, скрестив руки на груди. — Я плачу за это своей репутацией. Теперь твоя очередь платить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.